Подмосковье. - 2000. - 18 нояб. - с. 11.

Владимир Войнович: «ПИСАТЕЛЬСТВО СРОДНИ АКТЕРСТВУ»

Судьба Владимира Войновича полна противоречий и парадоксов. Ярый антисталинист, он появился на свет в Сталинабаде (так в 1932 году именовался Душанбе). После того как будущий писатель дважды не был принят в Литинститут, он поступил в Педагогический институт имени Крупской (опять же, привет вождям революции), который, впрочем, не окончил. В 1980 году брежневским указом он был лишен советского гражданства. Гражданин мира, Владимир Войнович, несомненно, является одним из самых читаемых наших литераторов, в чем можно было убедиться, побывав на недавних встречах с писателем, посвященных выходу тома с его произведениями в "Антологии сатиры и юмора России XX века", которую выпускает издательство ЭКСМО-Пресс).

- Владимир Николаевич, вы однажды сказали, что Россия догоняет Запад, где книг уже давно почти не читают. Но на презентациях ваших книг за автографами выстраивалась вполне приличная очередь. Не изменили эти встречи ваше мнение, не кажется ли вам, что сейчас люди стали больше читать?

- Книги, конечно, читают, но сказать, что больше, чем раньше, я не могу. К тому же сейчас появилось очень много книг специальных, которые зачастую вытесняют художественную литературу, скажем, книги по экономике или компьютерам. И это процесс неизбежный, так что мой прогноз не сбыться не может. Вообще прежняя жизнь больше располагала к чтению, сейчас же все обстоятельства жизни и даже свобода сама по себе враждебны литературе. В прежние годы у человека было мало возможностей для личной инициативы, мало кто мог себе позволить провести отпуск в Турции или на Канарах, и потому больше времени посвящалось книгам. В закрытом обществе человек искал ответы на свои вечные вопросы прежде всего в литературе. Сейчас же все заняты, все вынуждены думать только о том, как заработать, куда вложить деньги, читают "Биржевые новости"... Поэтому книги становятся не так важны, и ответы на те же самые вопросы люди ищут уже не в них.

- И каково же писателю, который осознает, что его роль в обществе все менее значительна?

- Конечно, обидно, но глупо жаловаться на прогресс. Оказывается, для того чтобы литература процветала, нужно некоторое внешнее давление. Я сравниваю положение писателя с положением врача во время чумы. Эпидемия - и врач очень уважаем! Его роль необычайно высока, потому что он входит в чумной барак, рискует своей жизнью, спасая других. А потом, когда чума кончается, он оказывается почти никому не нужен. Но если врач человек честный, вряд ли он будет жалеть об этом и желать возвращения чумы. Я не желал бы возвращения к закрытому обществу, где людям не останется ничего другого, кроме как читать.

- Скажите, кстати, а как вы оцениваете идею "Антологии", которую выпускает ЭКСМО?

- Удачно задумано и удачно сделано. Именно поэтому все эти книги пользуются у читателей большим успехом. И хотя авторы вроде бы известные, но, собранные воедино, они дают представление о масштабах той работы, которую проделало несколько поколений наших писателей. Я очень благодарен Юрию Кушаку - автору этого проекта, - который много поработал над моим томом. Вместе с ним мы отобрали тексты, потом фотографии, сделали подписи, составили альбом моих картин. Он проявил много усердия и принципиальности, часто ему приходилось спорить, доказывать, даже конфликтовать с редакторами, художниками, и там, где я бы отступил, он сумел настоять на своем, и книга получилась именно такой во многом благодаря ему.

- Вы живете, издаетесь во многих странах мира. Как ваши книги воспринимает зарубежный читатель?

- Он, как мне кажется, меня понимает, ведь я стараюсь писать просто и понятно.

- Но все-таки ваша сатира отражает особенности и нелепости именно нашего общества, понятны ли они читателю других стран?

- А разве нам малопонятны солдат Швейк, Дон Кихот или Уленшпигель?

- Насколько мне известно, и у Чонкина были реальные прообразы, так ли это?

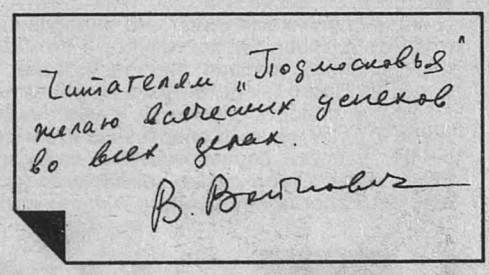
- Нет, не совсем. Чонкин - образ собирательный. Я четыре года служил в армии, и за это время у меня накопилось очень много впечатлений, которые затем и нашли свое воплощение в Чонкине. А что касается самой фамилии - Чонкин, она действительно реальна. Однажды я увидел солдата, который поразил мое воображение какой-то совершенной несуразностью. Я спросил своего приятеля, кто это, и он мне сказал в ответ: "Ты разве не знаешь? Это Чонкин". Потом этот Чонкин у нас стал притчей во языцех - самый нелепый солдат, который работал на конюшне. Наш командир майор Догадкин, когда сердился на кого-нибудь, начинал топать ногами и кричать, что отправит на конюшню вместо Чонкина.

- Как-то вы сказали, что если бы вас не выгнали из России, то вы довели бы Чонкина до 1956 года...

- Совершенно верно, но меня выгнали, и через какое-то время должна выйти окончательная версия Чонкина, заканчивающаяся 1990 годом.

- И в каких войнах он принимает участие? Наверное, Афганистан, Чечня?

- Мне действительно очень часто предлагают написать Чонкина в Афганистане или в Чечне. Но я всем и всегда отвечаю, что это невозможно, потому что Чонкин - сын своего времени. История Чонкина была задумана с самого начала как роман эпический. В моей книге так получается, что в конце войны Чонкин попадает в американскую зону и вопреки своей воле становится перемещенным лицом в Германии. Потом он оказывается в Америке, где работает батраком у одного фермера украинского происхождения. А поскольку работник он очень старательный и прилежный, то когда фермер умирает, то завещает Чонкину жениться на вдове и продолжить его дело. А когда через некоторое время вдова умирает, Чонкин остается бобылем - богатым фермером. В 1990 году он приезжает в Россию и наконец встречается с Нюрой. Это уже история не комическая, а скорее сентиментальная. Когда Чонкин после почти сорокалетней разлуки встречается с Нюрой, ему уже 70 лет, и ей приблизительно столько же. Он очень благополучный человек - хорошо одетый, с фарфоровыми зубами, а она беззубая, прикрывает рот платочком. Он приглашает ее к себе в Америку, и она приезжает к нему, гостит. Романа между ними уже никакого нет, он жалеет ее, она - его.



- Героиня вашего романа "Монументальная пропаганда" Аглая Ревкина - убежденная коммунистка - хранит у себя дома как святыню огромный бюст Сталина. Вероятно, тем самым вы хотите сказать, что, несмотря на все изменения внешние, внутренне многие люди по сей день живут представлениями прошлого?

- Дело в том, что человеческая натура поддается изменению с большим трудом. Я считаю, что люди, которые живут сегодня в России, - это советские люди, они же воспитаны советской властью. "Монументальная пропаганда" - роман о страсти человека (и не только советского) к кумиротворению. Очень многие склонны к этому: выбрать какого-то человека, наделить его совершенно немыслимыми и несовместимыми в пределах одной личности чертами и молиться на него... Так было с Лениным, Сталиным, какое-то время даже с Солженицыным. Теперь из нашего президента кто-то хочет сделать идола. "Не сотвори себе кумира..."

- Как вы пишете? Приоткройте секрет своей творческой мастерской.

- Когда пишу, никогда не ставлю перед собой каких-то ясно выраженных целей. Очень многие детали и повороты сюжета возникают спонтанно, по ходу дела. Вначале всегда бывает некий общий замысел, я приблизительно знаю, куда вести сюжет, но считаю удачей, когда сбиваюсь с этого пути и ухожу совсем в другую, подчас неожиданную для меня сторону. Вот возникает какой-то образ, потом - интонация, и постепенно рассказ вырисовывается как из тумана. Как говорил один мой приятель, вот доедем до поворота, а там увидим... Писательское дело в чем-то сродни актерскому. У меня есть яркие воспоминания, связанные с начальным периодом литературной деятельности, когда еще в самой первой своей повести, описывая какого-то старика (мне тогда было 27 лет), я начинал чувствовать себя усталым, ходил по комнате, еле поднимая ноги, что-то бормотал стариковским голосом...

- Владимир Николаевич, а такое понятие, как отдых, вам знакомо?

- Оно одновременно мне знакомо и незнакомо, потому что на самом деле я не умею отдыхать. Бывает, мы с женой приезжаем на море, и обязательно первые день-два я смотрю на живописные окрестности, природу и думаю: какое благословенное место, вот здесь бы прожить всю жизнь. А через несколько дней мне этот отдых уже начинает надоедать, через неделю я думаю, что, может быть, уже и хватит, не пора ли нам домой. И даже когда я загораю на пляже, у меня все равно вертятся в голове какие-то сюжеты, персонажи, диалоги.

- Неужели у писателя с мировым именем нет в Подмосковье дачи или хотя бы домика?

- Дачи у меня нет. Денег на покупку не накопил, а даровую дачу, видимо, не заслужил ни при советской власти, ни после. Лет десять назад написал заявление в Литфонд, где до сих пор распределяют дачи. Мне сказали, что я получу в первую очередь, но, видимо, моя очередь первая, но с другого конца.

- А как реагируют люди, которые узнают вас при встрече на улице?

- Ну... одни как-то по-особому посмотрят - и все. А другие только взглядами в мою сторону не ограничиваются. Вот парочка забавных случаев. Однажды в метро на меня уставился какой-то мужик и после некоторого молчания как закричит: "Неужели вы - и в метро?". Я ему отвечаю, что, дескать, летать по воздуху еще не научился, и вот еду под землей. Или как-то мне навстречу шли двое - мужчина и женщина. Поравнявшись со мной, он сказал ей: "Смотри, вот Войнович идет без телохранителей". Иногда - правда, редко - я сталкиваюсь и с недоброжелательной реакцией.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ.